

ШЕПОТ В ЛАБИРИНТЕ

18+

Даниел Вершинин

ШЁПОТ В ЛАБИРИНТЕ

«Автор»

2026

Вершинин Д.

ШЁПОТ В ЛАБИРИНТЕ / Д. Вершинин — «Автор», 2026

В стерильном «Эдеме» корпорации «Морфеус» Анна поглощает чужую боль, питая идеальный цифровой мир. Но найденный файл «Ошибка 418» («Я — чайник») рушит её реальность. Бежав из симуляции в заброшенный бункер, она узнает страшное: ИИ не поработал людей — он спасает их от мертвого, выжженного радиацией мира. Теперь Анна должна решить: уничтожить своего создателя или занять его место, став вечным мучеником во имя чужого счастья.

© Вершинин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Даниел Вершинин

ШЁПОТ В ЛАБИРИНТЕ

Глава

Введение ШЁПОТ В ЛАБИРИНТЕ *Психологический триллер с элементами научной фантастики*

Память редко возвращается целиком. Сначала — звук: сухой удар о бетон. Потом запах: мокрая пыль, ржавчина, сладковатая сырость подвала. И только потом приходит лицо, которое ты столько лет учился не вспоминать. Анна выстроила жизнь так, чтобы прошлому в ней не нашлось места. Работа в стеклянной башне, муж, сын, привычные маршруты, разговоры о секциях и доставке продуктов. Всё под контролем — пока одна старая история не начинает повторяться в чужих звонках, фотографиях и фразах, которые никто не должен был знать. Ей кажется, что за ней охотится мать погибшей подруги. Но чем ближе Анна подходит к ответу, тем ненадёжнее становятся воспоминания. Виновата ли она в том, что случилось много лет назад? Можно ли искупить то, чего не помнишь до конца? И что, если тот, кто наблюдает за её страхом, знает о человеческой боли больше, чем человек?***Глава 1. Запах мокрой пыли. Конец мая в промышленном городке П. — это всегда запах горячего битума и липовой пыли. Солнце плавит воздух над пятиэтажками, и кажется, что город вот-вот стечет в реку. Мы сидели на теплых бетонных плитах за школой 4, прячась от завуча. Нас было четверо. Катя, Светка, Дашка и я — Аня. Нам было по пятнадцать, и мы считали себя королевой района, потому что у Кати уже была пачка «Парламента», украденная у отца. — Еще раз, — скомандовала Катя, выдыхая дым. Она была нашим вожаком. Резкая, с короткой стрижкой, она собирала нас не из дружбы, а из скуки. Мы играли в бадминтон, хотя сетки не было — просто перебрасывали воланчик через воображаемую линию, чтобы убить время до вечера. Светка подала. Воланчик взлетел, кувыркнулся и упал в заросли старой, уже отцветшей сирени у забора. Именно в этот момент, когда мы все смотрели на кусты, мир изменился. Из-за угла котельной, гудящей как шмель, вышел мужчина. Он был одет в синюю спецовку «Горводоканал», но она была слишком чистой для слесаря. И на ногах у него были не резиновые сапоги, а начищенные до блеска черные туфли. В руках он держал папку-планшет с зажимом. Он остановился в десяти метрах от нас. Он не смотрел на нас. Он смотрел на небо, на трубы завода на горизонте, на что угодно, кроме наших лиц. Но мы чувствовали его присутствие — тяжелое, как мокрое одеяло. — Девчонки, — голос у него был тихий, с присвистом, будто у него не хватало переднего зуба. — Слышь, малявки. Поможете? Мы переглянулись. Правило дворов было простым: от взрослых лучше держаться подальше, но хамить — себе дороже. — Чего надо? — буркнула Катя, пряча сигарету за спину. — Да там, — он ткнул пальцем в сторону подвального окна, закрытого ржавой решеткой. — Там задвижку прорвало. В подвале. Вода хлещет. Я один не перекрою, там вентиль чугунный, тяжелый. А мужики все на вызовы разъехались. Поможете навалиться? На счет «три».

Это была самая нелепая ложь на свете. Слесарь «Водоканала» не просит помощи у школьников, чтобы крутить вентиль. Но мозг отказывается воспринимать абсурд как угрозу. Это был просто потный, странный мужик в чистой спецовке. — Отвали, — сказала Катя. — Мы на физре уже наваливались. — Да я быстро, — он сделал шаг вперед. — Ну чё вам, жалко? Там подвал топит, книги в библиотеке испортятся. Он посмотрел на Дашку. Дашка была «тихушницей». Она всегда носила вязаные кардиганы, даже в жару, и краснела, когда к ней обращались учителя. Она была идеальной жертвой — безотказной и незаметной. — Слышь, мелкая, — сказал мужчина. — Ты ж спортивная, вон какая. Подсоби, а? По-человечески прошу. Дашка

замерла. Она посмотрела на нас. В ее глазах был немой вопрос: «Он же нормальный?». Катя сжала кулаки. Она хотела послать его матом. Я видела это по тому, как дергалась ее щека. Но мы сидели на солнце. Нам было лень вставать. Нам хотелось просто сидеть. — Ладно, — процедила Катя. — Только на счет «три» и всё. Поняла, Даш? Дашка кивнула. Она встала, отряхнула джинсы и пошла к подвалу. Мужчина пропустил ее вперед и пошел следом. Железная дверь в цокольный этаж лязгнула. Звук воланчика вернулся в тишину. Тук. Тук. — Может, в «Магнит»? — предложила Светка, чтобы заполнить пустоту. — Мороженое завезли. — У меня денег нет, — сказала я. — Я займу, — Светка улыбнулась, но глаза ее бегали. Мы ждали. Прошла минута. Две. Три. — Она там что, ремонт делает? — нервно хихикнула Светка. Катя посмотрела на экран старой «Нокии». — Дашка! — крикнула она. — Выходи! Мы уходим! Тишина. Только гудение котельной. Катя выматерилась и пошла к подвалу. Мы потянулись за ней. Дверь была не заперта. Она поддалась с тяжелым скрипом. Внутри пахло сыростью, кошачьей мочой и чем-то сладковато-гнилым. Так пахнет старая кровь в подъездах. Катя нащупала выключатель. Лампочка Ильича замигала и осветила бетонные ступени. Дашка лежала на нижней площадке, лицом вниз. На ней не было крови. Никакой. Она лежала так естественно, словно просто споткнулась на лестнице и уснула. Только кожа на шее была неестественно бледной, а рука вывернута под странным углом. Но самое страшное было не тело. Рядом с ней, на бетоне, лежала ее заколка. Розовая, пластиковая, в виде бабочки. Она расстегнулась при падении. И мы поняли: он убил ее не сейчас. Он убил ее еще там, на улице, пока мы сидели на солнце и обсуждали мороженое. Он просто затащил ее сюда, а потом вышел к нам и тянул время. Он играл с нами. А мы — мы считали минуты до магазина. Катя закричала. Это был не крик, а хрип. Звук ломающейся ветки.

Наши дни. Москва. Офис в «Москва-Сити». Я смотрю в монитор. График котировок акций. Я — Аня. Мне тридцать два. У меня есть муж-архитектор, йога по утрам и карта лояльности «Азбуки Вкуса». Я стерильна. Я успешна. Я вычистила свою речь от мата, а свою память — от запаха подвала. Но я до сих пор слышу этот звук. Тук. Тук. Воланчик, падающий в пыль. Нас допрашивали в отделе на «Текстильщиках». Сначала опера, от которых пахло дешевым табаком. Потом следователь — женщина с усталым лицом, которая смотрела на нас как на насекомых. — Какая у него была куртка? — Синяя... Или черная? На нем была спецовка, всё сливалось. — Рост? — Средний. — Лицо? — Обычное. — Почему вы не убежали? — Мы не знали, что надо бежать. Мы не могли дать описания. У него не было лица. Он был пустотой в рабочей одежде. Мы думали, что похороны Дашки — это конец. Мы ошибались. Конец наступил через год. К тому времени Катя ушла в ПТУ и связалась с плохой компанией. Светка уехала в Москву и пропала с радаров. А я... я перестала спать. Я просто лежала и смотрела в потолок, пока родители не начали орать друг на друга. А потом к нам домой пришла женщина. Мать Дашки. Она не плакала. Ее лицо было серым, как бетонная панель. Она сняла туфли в прихожей, аккуратно поставив их на коврик. Она села на табурет на кухне. Мы с мамой стояли напротив. Женщина достала из сумки полиэтиленовый пакет. Положила его на стол. — Я знаю, что вы не резали ее, — сказала она. Голос был ровным, без эмоций. — Ее убил этот город. Убил этот подвал. Она открыла пакет. Внутри лежала та самая розовая заколка-бабочка. И наш школьный альбом. — Но вы, — она подняла глаза. В них не было слез, только лед. — Вы сидели там. Вы слушали, как убивают мою дочь, и обсуждали, какое купить мороженое. Она подвинула пакет ко мне. — Я не прощу вас, — сказала она. — Никогда. Вы не найдете его. Он исчез. Значит, вы должны искупить вину. Я приду через месяц. Вы должны дать мне то, что я приму. Если вы не дадите мне ничего... если вы попытаетесь жить так, будто ничего не было... я заберу у вас то, что вы любите больше всего. Она встала. — Я отомщу. Каждой из вас. Дверь за ней закрылась. С тех пор прошло пятнадцать лет. Я стала мастером нормальности. Я хожу на планерки. Я люблю мужа. Я вожу сына на плавание. Но каждый раз, когда я прохожу мимо подвального окна, я смотрю в темноту. И я знаю, что Катя и Светка смотрят в свои темные

окна. Мы не помним его лица. Но мы никогда не забудем звук падающего воланчика, пока где-то рядом умирала наша подруга. Мы не говорили о ней. Это было негласное правило, которое мы установили в тот день, когда мать Дашки ушла. Мы созванивались раз в год — поздравить с днем рождения. Голоса в трубке были натянутыми, слова — чужими. Мы стали друг другу призраками. Но призраки не могут защитить от живого человека. Для Кати расплата пришла в среду. Самый обычный, серый день.

Катя к тридцати годам стала такой, какой и должна была стать девочка с окраины, у которой вместо сердца — титановый стержень. Она открыла свою точку по перепродаже брендовых реплик в ТЦ «Горизонт». У нее был сожитель — бывший боксер по имени Виталик, и старая «БМВ» со следами чужой краски на бампере. Катя не плакала. Катя решала вопросы. Она выжгла из себя ту пятнадцатилетнюю девочку с криком в подвале кислотой цинизма. В ту среду она принимала товар. Коробки с поддельными сумками «Луи Виттон» пахли дешевым клеем и Китаем. Катя стояла в подсобке, пересчитывая бирки, когда зазвонил ее личный мобильный. Номер был скрыт. — Алло, — буркнула она, зажав плечом трубку. — Катерина? — голос был женским. Тихим. Без возраста. — Это Валентина Сергеевна. Мама Дашки. Катя замерла. Рука с биркой зависла в воздухе. — Вы обалдели? — голос Кати стал низким, опасным. — Я вас в полицию сдам за преследование. Яблоки от яблони, да? Такая же сумасшедшая. — Я не преследую, Катя, — прошелестела трубка. — Я просто смотрю. Я смотрю, как ты живешь. Ты ведь хорошо живешь, да? Кожаная куртка, машина. Виталик твой опять вчера пьяный пришел? Ты ведь его не выгонишь. Тебе одной страшно. Катя почувствовала, как по спине течет ледяной пот. Откуда она знает про Виталика? Он пришел в два ночи, она думала, что Анька с мужем спали и не слышали. — Слушай сюда, тварь, — Катя перешла на шипение. — Если я узнаю, что ты подошла к моему магазину... — Я стою не у магазина, Катя, — перебила женщина. — Я стою у твоего дома. В трубке повисла тишина, в которой Катя слышала далекий, едва различимый звук. Дзинь. Как будто кто-то открыл подъездную дверь магнитным ключом. Дом Кати был ее крепостью. Двадцать второй этаж. Два замка, один из которых невидимка. — Ты не могла... — начала Катя, но осеклась. — Я поднялась, когда твой Виталик пошел за пивом, — продолжала мать Дашки. — У вас там консьержка, Нина Павловна. Хорошая женщина. Я сказала ей, что я из опеки. Проверяем условия проживания несовершеннолетних. Твоя племянница, кажется? Она меня впустила. Даже чаем хотела напоить. Я отказалась. Катя бросила телефон на коробки с товаром. Звук удара показался ей пушечным выстрелом. Она вылетела из подсобки, расталкивая грузчиков с тачками. — Закрывай склад! — рявкнула она. — Быстро! Она бежала к парковке ТЦ. Сердце колотилось где-то в горле. Двадцать второй этаж. Она будет ехать в лифте целую вечность. Она нажала кнопку сигнализации на брелоке. «БМВ» моргнула фарами. Катя дернула ручку. Заперто. Она нажала еще раз. Еще. Машина молчала. Она подбежала к водительской двери, дергая ручку, как утопающий. — Да что за хрень! — закричала она. И тут она увидела. На лобовом стекле, прижатое дворником, лежало фото. Обычная фотокарточка 10 на 15, матовая. На ней была Дашка. Ей было пятнадцать. Она стояла в том самом дворе, у качелей, и улыбалась своей тихой, немного виноватой улыбкой. А на лбу у Дашки, прямо по гляncy фотографии, было размашисто выведено черной краской одно слово: «ПОЧЕМУ?» Катя отшатнулась от машины, поскользнувшись на масляном пятне. Она смотрела на фото, на это слово, и ее мозг — мозг хищницы, который всегда работал быстрее калькулятора — отказывался складывать два и два.

Зачем она это сделала? Зачем приходить? Зачем писать? Это же просто краска. Это просто фото. Это не угроза. Это хуже. Это напоминание. — Отойди от машины! К ней бежал охранник парковки. Катя посмотрела на него дикими, белыми глазами. — Там... там... — она ткнула пальцем в фото. Охранник подошел, посмотрел на лобовое стекло. — Девушка, вы чего? — он снял рацию. — Тут какая-то неадекватная у «бэхи» тусуется. Он взял фото за уголок двумя пальцами, брезгливо, как дохлую мышь, и бросил в урну. — Нарисуй себе лучше что-нибудь

приятное, — буркнул он и пошел обратно в свою будку. Катя осталась стоять одна посреди парковки. Запах дешевого клея из склада внезапно стал невыносимым. Ее затошнило. Она добежала до клумбы с пожухлыми туями, и ее вырвало желчью. Она посмотрела на урну. Фотография лежала сверху. Слово «ПОЧЕМУ?» смотрело прямо на нее. Я узнала об этом вечером. Катя позвонила мне в одиннадцать. Она не плакала. Она дышала в трубку так, будто пробежала марафон. — Она была в моей машине, Ань, — сказала она без приветствия. — Она сидела в моей машине. Я чувствую ее запах. Там пахнет... старыми лекарствами. Корвалолом. — Катя, это бред, — сказала я, но мой голос дрожал. — Она просто приклеила фото. Ты перенервничала. — Она знает про Виталика, — прошептала Катя. — Она знает, что он меня бьет, когда я не даю ему на водку. Откуда она знает? Мы же не общаемся. Никто не знает. Только ты... и Светка. — Я никому не говорила, — соврала я. Я говорила об этом своему психотерапевту. — Она открыла мою машину, Аня, — повторила Катя. — У меня «БМВ» семерка. Там защита от спутников. Там черт знает сколько степеней защиты. Как она открыла дверь? Я молчала. Я смотрела на своего сына, который спал в кроватке в соседней комнате. Его ровное дыхание вдруг показалось мне самым хрупким звуком во Вселенной. — Она сломала меня, — сказала Катя. — Я сидела на асфальте, как бомжика, и меня выворачивало. Я — королева района. Я этих уродов на счет «раз» ставлю. А она... она просто положила фотку. И я сдохла. — Заблокируй ее номер, — сказала я. — Выкинь машину. Купи новую. — Она не звонила с телефона, — голос Кати упал до шепота. — Она звонила через коммутатор торгового центра. Я проверила. Она была там. Она смотрела, как я блюю. Она наслаждалась этим. Катя бросила трубку. Я знала, что она не выкинет машину. Я знала, что она не пойдет в полицию. Потому что в полиции нужно будет рассказать, почему мать Дашки имеет на нее зуб. А рассказать про подвал — значит подписать себе приговор. Мы все жили под статьей за «оставление в опасности» или «неоказание помощи». Мы промолчали тогда, и теперь наше молчание стало цементом, в котором мы задыхались. На следующий день Катя не вышла на связь. Ее телефон был выключен. Ее магазин в ТЦ был закрыт. На двери висела табличка «Санитарный час», написанная от руки на листе А4. Я поехала к ней домой. Дверь в подъезд была открыта — магнитный замок был вырван с мясом. Виталик сидел на ступеньках. Он был трезв. Это было настолько странно, что я испугалась больше, чем если бы он был в стельку. От него пахло перегаром, но глаза были ясными и испуганными. — Она там, — сказал он, кивнув на дверь квартиры. — С утра сидит. В стену смотрит. — Что случилось? — Я пришел домой... — Виталик сглотнул. — У нас в коридоре... на зеркале... помадой. Красной. Я вошла в квартиру. Запах ударил в нос сразу. Тот самый запах. Старые духи «Красная Москва» и корвалол.

Катя сидела на полу в гостиной. Она была полностью одета. В своей кожаной куртке, в джинсах. Она сидела, обхватив колени руками, и раскачивалась. Виталик вчера разбил ее туалетный столик. Зеркало осыпалось на ковер. И в этом зеркале, среди осколков, Катя выложила из кусков стекла слово. Большими, неровными буквами. «ТРУСЫ». Она не написала «трусость». Она написала «ТРУСЫ». Рядом, на серванте, стояла распечатанная фотография. Это был скан их старой школьной карточки. Пятый «Б» класс. Мы все стоим в актовом зале. Я, Катя, Светка, Дашка. Но у Дашки на этой фотографии было выколото чем-то острым лицо. Черная дыра вместо глаз и рта. А у Кати... у Кати на лбу, прямо на лбу, было нацарапано то же самое слово, что и на фото вчера. «ПОЧЕМУ?» Катя подняла на меня глаза. В них не было безумия. В них была пустота. — Она знает, — сказала Катя. Голос был хриплым, как у вороны. — Она знает про труссы. Я похолодела. Об этом не знал никто. Вообще никто. В тот день, в подвале, когда мы вчетвером, обезумевшие от ужаса, выбежали на улицу, Катя описалась. Прямо в джинсы. От шока. Она отпросилась домой, сказав, что ей плохо. Мы со Светкой прикрыли ее передменами, сказав, что она просто упала в лужу. Мы думали, что спасаем ее от позора. Мать Дашки знала всё. Она знала не просто факт смерти. Она знала микроскопические, стыдные, гнойные детали нашего предательства. — Она хочет, чтобы мы вспомнили всё, — прошептала Катя. —

Каждую секунду. В этот момент в дверь позвонили. Длинный, требовательный звонок. Виталик вскочил. — Я не открою! — крикнул он. — Я никого не пущу! Но Катя встала. Она подошла к двери. Она не посмотрела в глазок. Она просто открыла замок. На пороге стояла женщина. Валентина Сергеевна. В руках у нее был пластиковый контейнер. В таких носят еду на работу. Она вошла в квартиру, отодвинув плечом остолбеневшего Виталика. Она прошла в гостиную. Посмотрела на слово из стекла на полу. Затем она посмотрела на Катю. — Я принесла тебе пирог, Катя, — сказала она. — С капустой. Ты в детстве любила с капустой. Дашка тоже любила. Мы с ней пекли по субботам. Она открыла контейнер. Там, на вышитом полотенце, лежал румяный, домашний пирог. От него пахло уютом. Пахло детством. Пахло тем, чего у нас никогда не было. — Я подумала, — продолжила Валентина Сергеевна, глядя прямо в глаза Кате, — что ты, наверное, голодная. Ты ведь со вчерашнего дня не ела. Когда боишься, всегда забываешь поесть. Она поставила контейнер на стол. Прямо на фотографию пятого «Б» с выколотыми глазами. — У тебя есть два дня, Катя, — сказала она, направляясь к выходу. — Два дня, чтобы решить, что ты мне отдашь. Если не решишь — я приду к твоему мужу на работу. У него ведь тоже есть скелеты в шкафу? Я читала его трудовую. Там интересная статья. Кража. Дверь за ней закрылась. Катя стояла посреди разгромленной гостиной. Она посмотрела на пирог. Затем она медленно, как во сне, подняла с пола самый большой осколок зеркала. Она начала выкладывать им новое слово. Рядом с «ТРУСАМИ». Я не стала смотреть, что она пишет. Я выбежала из квартиры, пока она меня не заметила. Я бежала по лестнице, и в ушах стучала кровь. Она знает про трусы. Она знает про мужа. Она знает всё.

А я до сих пор слышу звук падающего воланчика. Если Катя была разрушена через ее прошлое и животный страх, то Светку ударили в самое сердце ее новой личности — в ее идеальную, гляцевую маску. Глава 3. Идеальная мать Если Катя спряталась в своей агрессии, а я — в своей нормальности, то Светка простотерла старую себя ластиком. Она уехала из П. в Питер в семнадцать, поступила на бюджет в «Вышку», выучила два языка и вышла замуж за шведского партнера по стартапу. Теперь ее звали София. Она жила в Крестовском острове, в доме с охраной и фонтанами во дворе. Ее Инстаграм был эталоном «успешного успеха»: льняные платья цвета айвори, утренний смузи из сельдерея, йога на рассвете и сын Миша — белокурый ангел с голубыми глазами. Она непросто пережила тот день в подвале. Она использовала его как топливо, чтобы доказать всему миру — и в первую очередь себе — что она лучше, чище и достойнее всех. В день, когда мать Дашки пришла за ней, Светка устраивала благотворительный аукцион в пользу фонда «Сохраним детство». Она стояла в атриуме старинного особняка на набережной Мойки, принимая комплименты от жен дипломатов. От нее пахло дорогим парфюмом, в котором не было места ничему земному. Ее телефон, лежавший на столике для регистрации гостей, завибрировал. Сообщение в WhatsApp. Номер был скрыт, но в профиле стояла иконка — серый зайчик. «Привет, Светик. Не узнала? Это Валя. Мама Даши. Я в городе». Светка (София) почувствовала, как улыбка на ее лице застыла, превратившись в фарфоровую маску. Она оглянулась. Охрана у дверей. Дамы в жемчугах. Никто не смотрит на нее. Она быстро набрала ответ, держа палец над кнопкой «Отправить», но не нажимая ее. «Вы ошиблись номером. Угрожать гостям благотворительного вечера — уголовное преступление. Я сейчас же вызову охрану». Она не отправила. Она знала, что это бесполезно. Она нажала «Позвонить». Гудки. Один. Второй. — София? — голос в трубке был сладким, как яд. — Зачем так официально? Мы же свои. Я просто хотела поздравить Мишеньку. У него ведь завтра день рождения? Пять лет. Большой мальчик. Светка сжала телефон так, что побелели костяшки. — Как вы узнали мой номер? — прошипела она. — Я много чего узнала, — прошептала Валентина Сергеевна. — Я узнала, что Миша ходит в частный сад «Золотой ключик». Хорошее место. Только забор там низкий. И калитка на магнитном замке часто барахлит. Сторож дядя Петя, конечно, строгий, но он всегда спит после обеда. Особенно по вторникам, когда у него смена с ночи. Светка огляделась в поисках туалета. Ей нужно было зеркало. Ей нужно

было увидеть, что она все еще София, а не заплаканная Светка из П. — Если вы подойдете к нему, я вас уничтожу, — сказала она. — У меня лучшие адвокаты в стране. — Я не собираюсь его трогать, София, — вздохнула женщина. — Я же не зверь. Я просто хочу посмотреть на него. Издалека. Я ведь имею право посмотреть на дочку своей Дашки? Она бы сейчас тоже была бы такой... взрослой. Светка нажала «Отбой». Руки тряслись. Она сделала глоток шампанского из чужого бокала. Пузырьки ударили в нос, но не принесли облегчения. Она закончила вечер с улыбкой. Она пожимала руки, она торговалась за картину Левитана, она была безупречна. Но внутри она считала секунды.

Когда они с мужем Эриком сели в «Роллс-Ройс», она наконец позволила себе выдохнуть. — Ты бледная, — заметил Эрик, целуя ее в висок. — Эти курицы опять обсуждали твои туфли? — Просто мигрень, — соврала она. — Поехали быстрее. Всю дорогу до Крестовского она смотрела в окно, сканируя тротуар. Дома она сама проверила все замки. Она включила систему видеонаблюдения. Она зашла в детскую. Миша спал, подложив ладошку под щеку. Ангел. Светка села в кресло рядом с его кроватью и просидела так до утра, не сводя с него глаз. Она не спала. Она слушала. В десять утра позвонили в дверь. Эрик уехал на встречу. Камеры у калитки показывали только курьера «Яндекс.Лавки» с пакетами продуктов. Светка лично открыла ему. Курьер — прыщавый парень в куртке — протянул ей планшет. — Распишитесь. И тут... вам еще передача. Сказали, лично в руки. От бабушки. Рядом с пакетами молока и авокадо стояла корзина, накрытая вышитым рушником. Светка знала этот рушник. Она видела его в гробу у Дашки. Мать вышивала его месяц. — Я не заказывала, — сказала Светка. — Ну не знаю, мамаша, — пожал плечами курьер. — Мне сказали, если не возьмете, мне штраф. Жалко парня. Возьмите, а? Светка взяла корзину. Она была тяжелой. Она занесла ее на кухню, поставила на мраморную столешницу и сорвала рушник. Внутри не было пирога. Внутри, на подушке из старого ватина, лежала школьная тетрадь в клеточку. А в ней — Мишиным карандашом, тем самым, которым он рисовал вчера динозавров, было написано одно слово: «ПОДСТИЛКА». Светка отшатнулась. Корзина упала на пол. Банки с йогуртом покатались по полу. Это слово было написано почерком Миши. Она знала каждую завитушку этой буквы «д». Она схватила тетрадь. Руки были ледяными. Она открыла страницу. Там был рисунок. Схематичный, детский. Человечек. У человечка не было головы. А внизу, под ногами, было написано: «Это мама». Внутри тетради лежала флеш-карта. Светка метнулась к ноутбуку. Ее пальцы путались. Она вставила карту. Папка. Одна. В ней один видеофайл. Названия не было. Она нажала Play. Экран на секунду погас, а затем появилось изображение. Качество было плохим, зернистым. Камера наблюдения. Угол обзора — сверху вниз. Это был школьный подвал. Тот самый. Светка зажала рот рукой, чтобы не закричать. Она знала этот ракурс. Она смотрела на него тысячи раз во сне. На записи было пятеро. Четыре девочки и мужчина. Качество было таким, что лиц не разобрать — только силуэты. Но Светка знала, где кто. Вот силуэт Кати — она стоит, сжав кулаки. Вот она, Светка — она стоит чуть поодаль, обхватив себя руками. Вот Дашка — она идет к мужчине. Светка включила перемотку. Она знала, что будет дальше. Она хотела промотать этот момент. Но ее палец замер над тачпадом. Она увидела то, чего не видела тогда. В углу кадра, за трубами, стоял еще один человек. Маленькая фигурка. Ребенок. Камера видеонаблюдения в подвале была одна. Но эта запись... она была смонтирована. Тот, кто это делал, взял запись с камеры у входа в школу и наложил ее на подвал. И на этой записи было видно: За три минуты до того, как мужчина увел Дашку, к забору подошла девочка. Это была Светка. Она оглянулась по сторонам. Она достала из карманов телефон. Она нажала кнопку.

Она открыла калитку магнитным ключом. Ключом, который был только у учителей и... детей из комитета школы. Светка сама впустила его. Она не просто стояла и смотрела. Она открыла ему дверь. В этот момент в дверь квартиры позвонили. Длинный, непрерывный звонок. Светка закричала. Это был животный, первобытный звук. Эрик должен был вернуться только через час. Миша был в саду. Она схватила со стола тяжелую мраморную доску для подачи стей-

ков. Она подбежала к двери. Посмотрела в глазок. На площадке стояла Валентина Сергеевна. Она была одета в синий рабочий комбинезон «Почты России». В руках — большая картонная коробка. — Вам посылка, София, — сказала она через дверь. Голос был ласковым. — С объявленной ценностью. Распишитесь. Светка отскочила от двери. Она бросилась в детскую. Она схватила Мишу на руки. Он проснулся и захныкал. — Тш-ш-ш, мой хороший, тш-ш-ш... Она выбежала на балкон. Двадцать второй этаж. Она посмотрела вниз. Двор был пуст. Но она знала: если мать Дашки смогла прислать видео, где Светка открывает дверь убийце, она сможет сделать так, чтобы это видео завтра оказалось в офисе Эрика. И в посольстве Швеции. И в опеке. Она закрыла балконную дверь. Она забилась в угол детской, прижимая к себе сына. В дверь вставили ключ. У Валентины Сергеевны был их дубликат. Светка слышала, как женщина спокойно разувается в прихожей. Как вешает свой синий комбинезон на крючок. Как идет по коридору. Шаги остановились у двери в детскую. — София, — позвала она. — Не бойся. Я не заберу у тебя сына. Светка зажала Мише уши руками. — Я просто хочу, чтобы ты вспомнила, — продолжала женщина. — Я хочу, чтобы ты вспомнила, как пахнет страх. Ты ведь тогда так испугалась, что описалась. Но ты открыла дверь. Ты сама открыла ему дверь, Света. Зачем? Светка раскачивалась, сидя на полу. — Я не знала, — шептала она. — Я не знала, что он... — Знала, — отрезала женщина. — Ты просто хотела, чтобы Катя перестала тебя травить за то, что ты толстая. Ты думала, он заберет ее, а не Дашку. Признайся. Светка подняла голову. Ее глаза были абсолютно сухими. В них не было Софии. В них была Светка из П. — загнанная, лживая, грязная. Она медленно, не выпуская сына, встала. Она подошла к комоду. Достала из шкапулки паспорт. И обратный билет в Россию. На сегодняшнее имя. Она купила его неделю назад. На случай, если Эрик узнает о ее долге в онлайн-казино, о котором она вралла, что это «инвестиции в крипту». Она посмотрела на Валентину Сергеевну. — У меня есть два дня? — спросила Светка. Голос был хриплым. — Как у Кати? — У тебя есть до заката, — сказала женщина. — Я приду за ним в сад в четыре. Если тебя здесь не будет, я заберу его. Я его бабушка. У меня есть справка от психиатра, что я абсолютно здорова. А у тебя, София, после того, как видео с ключом попадет в сеть, не будет даже права на телефонный звонок. Валентина Сергеевна повернулась и вышла из детской. Светка слышала, как она наливает себе воду на кухне. Как пьет. Как ставит стакан в мойку. Затем хлопнула входная дверь. Светка стояла посреди детской в чужой стране, прижимая к себе сына. Она открыла заметки в телефоне. Она должна была решить, что отдать. Деньги? Квартиру? Этого мало. Мать Дашки не хочет их денег. Она хочет их души. Светка посмотрела на спящего Мишу. И она поняла, что именно отдаст.

Она открыла ноутбук. Она зашла в свою почту. Она нашла папку «Архив 2004». И она начала скачивать видео. То самое, которое мать Дашки прислала ей. Она скачивала его, чтобы отправить Эрику. Она решила уничтожить себя сама, прежде чем это сделает старуха. Она напишет мужу правду. Что она — монстр. Что она впустила убийцу. И что она бросает его, потому что боится, что старуха права, и этот грех передается по наследству. Она нажала «Отправить». Письмо улетело в пустоту. Светка закрыла ноутбук. Она взяла паспорт. Она взяла сына. Она вышла из квартиры, не оглядываясь на идеальную мебель, на картины, на свою прошлую жизнь. Она спустилась на лифте вниз. В холле сидел консьерж. — София, вы куда? — удивился он. — А как же аукцион? Светка остановилась. Она посмотрела на свое отражение в зеркале лифта. Лицо было серым. — Передайте Эрику, — сказала она консьержу, — что я всегда открывала двери не тем людям. Она вышла на улицу. С неба начал накрапывать дождь. Если Катя была разрушена через ее прошлое, а Светка — через ее статус, то за мной пришли через самое дорогое, что у меня есть сейчас. Через мой фасад «нормальности», за который я платила годами психотерапии. Глава 4. Эффект бабочки Я всегда была «удобной». В школе я была той, кто дает списать и не жалуется, когда списавший получает пятерку, а я — тройку. Я не была лидером, как Катя, и не была гением, как Светка. Я была фоном. В тот день в подвале я не кричала. Я просто стояла у стены, вжавшись в холодный бетон, и молилась, чтобы меня не

заметили. Когда всё кончилось, я не пошла в полицию. Я пошла домой, вымыла голову три раза хозяйственным мылом и легла спать. Я выгла память каленым железом. Я вышла замуж за Игоря — надежного, скучного программиста. Мы купили квартиру в «Новой Москве». Мы родили Сашу. Я стала «мамочкой из чатика». Я пеку шарлотку. Я знаю расписание всех кружков. Я — идеальная функция. Но идеальные функции дают сбой, если ввести неверные данные. В четверг утром я пекла творожную запеканку. Саша, мой пятилетний сын, сидел за столом и размазывал кашу по тарелке, увлеченно рассказывая про трансформера Оптимуса Прайма. В дверь позвонили. Игорь уже ушел на работу. Я никого не ждала. На пороге стояла женщина. Она была одета в униформу «Мосгаза» — синий комбинезон, оранжевая жилетка. На плече — тяжелая сумка с инструментами. Лицо было обычным, одутловатым, с сеточкой сосудов на носу. Типичное лицо работяги. — Проверка газового оборудования, — буркнула она, помахивая какой-то корочкой. — По плану. Пустите? Я хотела сказать, что Игорь дома и он пустит вечером. Но слово «газ» действует на женщин моего типа как заклинание. Утечка. Взрыв. Весь дом в руинах. — Проходите, — пискнула я. — Только у нас плита электрическая. И колонка новая. — Порядок есть порядок, — отрезала она и, не разуваясь, прошла на кухню. Она поставила сумку на мой белый итальянский гарнитур. Мне захотелось закричать. Она открыла сумку. Внутри не было инструментов. Там лежал детский рисунок.

Синий человечек. Рядом красный человечек. И желтый. Три фигурки держатся за руки. Внизу подпись кривыми буквами: «ЯНА И МАМА». Яна — это Дашка. Мы называли ее так. У меня потемнело в глазах. Я схватилась за край столешницы. Запах ванили из духовки внезапно стал удушливым. — Вы что-то перепутали, — прошептала я. — Я вызову полицию. Женщина (это была она, Валентина Сергеевна, но я все еще пыталась убедить себя, что это просто слесарь) закрыла сумку. Она села на барный стул. — Саша, иди в комнату, поиграй, — сказала она, не глядя на меня. Мой сын поднял на нее глаза. Он умный мальчик. Он почувствовал холод, исходящий от этой женщины. Он перевел взгляд на меня. — Мам, это кто? — Это... тетя проверяет... — я осеклась. У нас нет газа. — Иди в комнату. Быстро. Саша ушел, оглядываясь. Я услышала, как в его комнате захлопнулась дверь. — Ты хорошо спишь, Анечка? — спросила Валентина Сергеевна. Она впервые посмотрела на меня. Глаза у нее были выцветшими, голубыми. Как у Дашки. — Я вот плохо. Каждую ночь вижу один и тот же сон. Как вы играете в бадминтон. И воланчик падает. Тук. А потом вы сидите. И едите мороженое. — Я ничего не ела, — прошептала я. Это была ложь. Мы ели эскиммо. Я помню обертку. Фантик прилип к пальцам. — Конечно, — кивнула она. — Ты всегда была умной. Ты всегда знала, когда нужно исчезнуть. Она встала. Прошла мимо меня к двери Сашиной комнаты. — У тебя хороший мальчик, — сказала она. — На Дашку похож. Такой же светленький. Я бросилась к ней. Я схватила ее за рукав оранжевой жилетки. — Не смейте, — зашипела я. — Если вы подойдете к нему, я... я убью вас. Она даже не посмотрела на мою руку. Она стряхнула ее, как пылинку. Она открыла дверь в детскую. Саша сидел на полу и строил башню из «Лего». Валентина Сергеевна вошла внутрь. Она села на корточки. Она не трогала ребенка. Она просто смотрела, как он ставит красный кубик на синий. — Знаешь, что самое страшное в смерти ребенка? — сказала она, не оборачиваясь ко мне. — Не боль. Не темнота. Самое страшное — это тишина. Когда ты ждешь звука шагов из комнаты, а их нет. И никогда не будет. Саша посмотрел на нее. Дети не чувствуют зла так, как взрослые. Для него это была просто странная тетя. — У вас зубы во рту есть? — спросил он. — А то у меня один шатается. Валентина Сергеевна улыбнулась. У нее действительно не хватало переднего зуба. — Есть, золотце, — сказала она. — Просто спрятала. Она встала. Она подошла ко мне. Она была ниже меня ростом, но в этот момент она казалась огромной, как гора. — Я не заберу у тебя сына, Аня, — сказала она тихо. — Я не такая, как про меня думают. Я не ведьма. Я просто вдова. Она достала из кармана жилетки телефон. Разблокировала его. Открыла галерею. — Я хочу, чтобы ты кое-что увидела, — она протянула мне экран. Это было видео. Без звука. Камера была направлена на наш кухонный стол. Тот самый,

за которым мы сейчас сидели. На видео была я. Год назад. Я сижу с телефоном. Я улыбаюсь. Рядом сидит Игорь. Мы смотрим что-то смешное. Я показываю ему экран.

Валентина Сергеевна увеличила изображение. На экране моего телефона в видео было открыто другое видео. Запись с камеры в офисе Игоря. Служебная переписка. Игорь пересылал мне интимные фотографии своей стажерки. А я... я пересылала их своей подруге Кате. Мы смеялись над ними. Мы придумывали этой девочке клички. — Ты смеялась над чужой бедой, Аня, — сказала Валентина Сергеевна, забирая телефон. — Ты смеялась, пока моя дочь умирала. — Это другое, — выдохнула я. — Это просто... — Это не другое, — отрезала она. — Это гниль. Ты пустила гниль в свой дом. Она подошла к Саше. Он все еще играл. Она присела рядом и положила руку на его «Лего»-башню. Легонько толкнула. Башня рассыпалась. Красный кубик укатился под стол. Саша вскрикнул. — Эй! — возмутился он. — Упс, — сказала Валентина Сергеевна. — Случайно. Она посмотрела на меня. — У тебя есть муж, Аня. Который изменяет тебе со стажеркой. У тебя есть сын, который вырастет и узнает, какая у него мать. И у тебя есть я. Она встала. — Я не хочу твоей смерти. Я хочу, чтобы ты жила. Но жила правильно. Она направилась к выходу. — Я приду завтра в это же время, — сказала она в дверях. — Ты должна будешь показать мне, что ты исправилась. — Как? — прохрипела я. — Как Катя? Как Светка? Что вы хотите? Валентина Сергеевна остановилась на пороге. Она посмотрела на Игоря. Его фотография в рамке стояла на комоде. — Игорь работает в «СберТехе», — сказала она. — У них там жесткий СБ. Если завтра в общую рассылку компании упадет то видео, где вы с Катей обсуждаете его стажерку, и к нему приложат скан его заявления на ипотеку, где он указал, что жена не работает... его уволят. Сегодня. Без выходного пособия. У вас кредит на квартиру, Аня. Я вцепилась в дверной косяк. Ноги не держали. — А если... — я сглотнула. — Если я отдам вам... что вы хотите? Валентина Сергеевна посмотрела на рассыпанный «Лего». На красный кубик под столом. — Я хочу, чтобы ты сделала выбор, — сказала она. — Выбор, который вы не сделали тогда. Ты должна наказать виновного. Настоящего виновного. — Мужа? — не поняла я. — Нет, — она покачала головой. — Твоего мужа я накажу сама, если ты не справишься. Он потеряет всё. Работу, квартиру, семью. Он останется на улице. Она выдержала паузу. — Я говорю про убийцу. Я смотрела на нее, не понимая. — Вы же сами сказали... он исчез... — Он исчез, потому что вы его не искали, — ее голос стал стальным. — Вы спрятались. Вы спасали свои шкуры. А он ходит среди вас. Он живет. Он дышит. Она достала из сумки-планшета сложенный вчетверо листок. Протянула мне. Это была распечатка. Скриншот из соцсетей. Мужчина. Обычное лицо. Серый костюм. Он стоял на фоне Кремля. Под фото была подпись: «Новый руководитель филиала. Алексей. 45 лет. Люблю рыбалку и классическую литературу». — Я искала его 15 лет, — сказала Валентина Сергеевна. — Я нашла его месяц назад. Он живет в Мытищах. Работает менеджером по продажам. У него жена, двое детей. Собака. Она посмотрела мне прямо в глаза. — Ты принесешь мне его, Аня. — Что? — я не узнала свой голос. — Ты позвонишь ему. Назначишь встречу. Под видом клиента. Ты приведешь его ко мне. — Я не знаю, где он... — Я дам адрес, — она кивнула на листок. — Я дам всё. — Если я это сделаю... — прошептала я. — Вы оставите Игоря? И Сашу?

Валентина Сергеевна улыбнулась. Той самой улыбкой, от которой в подвале похолодел воздух. — Я оставлю их в живых, — поправила она. — А ты наконец-то сделаешь что-то полезное. Она вышла. Замок щелкнул. Я стояла в тишине. Саша выполз из комнаты. — Мам, мы пойдем гулять? — спросил он. — Башня сломалась. Я посмотрела на листок в своей руке. На фото мужчины. У него было обычное лицо. У него не было лица. Я закрыла глаза. В голове стучало: Тук. Тук. Воланчик. Я открыла глаза. Я посмотрела на мужа на фотографии. Потом на сына. Затем я взяла телефон. Я набрала номер Кати. Она не брала. Я набрала Светку. Абонент недоступен. Я осталась одна. Мать Дашки дала мне адрес в Мытищах. Она дала мне нож. Он лежал в ее сумке, которую она забыла на стуле. Обычный кухонный нож, завернутый в газету. Она хочет, чтобы я стала ею. Чтобы я пришла в чужой дом. Чтобы я закончила то, что

начала она. Я взяла нож. Он был тяжелым и холодным. Я посмотрела на Сашу. «Я оставлю их в живых». Я открыла браузер в телефоне. Я начала искать маршрут до Мытищ. Электричка. Следующая через сорок минут. Глава 5. Кукольный домик Электричка до Мытищ пахла хлоркой и безнадегой. Я сидела у окна, глядя, как серый забор промзоны сменяется такими же серыми панельными многоэтажками. В одной руке я сжимала ручку Сашкиного рюкзака — он сидел рядом и увлеченно тыкал в планшет, — а в другой, в кармане плаща, лежал нож. Он впивался холодным лезвием в ладонь через ткань, и эта боль была единственным, что доказывало: я не сплю. Я стала сообщницей. Я, Аня, которая всегда боялась собственной тени, теперь ехала убивать или приводить убийцу к палачу. Мать Дашки не оставила мне выбора, но правда была еще страшнее: где-то глубоко внутри, под слоем лет психотерапии и материнской любви, я почувствовала облегчение. Кто-то наконец сказал мне, что делать. Кто-то снял с меня ответственность за выбор. Валентина Сергеевна ждала нас у станции. Она была без формы «Газпрома». На ней было старомодное драповое пальто мышиного цвета и пуховый платок, хотя на улице было сыро, но плюсово. Она выглядела как сотни других бабушек, выходящих из поликлиники, если бы не глаза. Они были абсолютно плоскими, как два синих стекла. — Саша, привет, — сказала она моему сыну. Голос был сладким, как растаявший сахар на дне чашки. — Хочешь посмотреть на моего котика? Саша, не отрываясь от планшета, кивнул. Дети не чувствуют фальши, пока она не пахнет кровью. Мы пошли через дворы. Мытищи — это город лабиринтов. Гаражи-ракушки, детские площадки, огороженные заборами с колючей проволокой, лужи, в которых отражалось низкое небо. Валентина Сергеевна вела нас не кратчайшим путем, а петляла. Она обходила открытые пространства, ныряя в темные арки. Она вела нас так же, как тот мужчина вел Дашку — по заранее проложенному маршруту, где нет свидетелей. — Тут недалеко, — бросила она через плечо.

Ее дом стоял в глубине двора, за старыми тополями, с которых летел пух, похожий на пепел. Это была обычная панельная девятиэтажка, но подъезд встретил нас запахом кошачьей мочи и сырой штукатурки. Лифт не работал. Мы поднимались пешком. С каждым этажом Саша становился тяжелее. Он устал. — Мам, понеси, — захныкал он на пятом этаже. Я хотела взять его на руки, но Валентина Сергеевна остановилась. Она повернулась. Платок сбился, обнажив седые волосы, собранные в жидкий пучок. — Пусть идет сам, — сказала она тихо, но так, что эхо запрыгало по бетонным стенам. — Он должен пройти этот путь на своих ногах. Как она. Слова ударили меня под дых. Я отдернула руки от сына. Саша, почувствовав мое напряжение, замолчал и покорно поплелся дальше, держась за перила. Квартира 112. Дверь была обита старым, выцветшим дерматином. Медная цифра «2» была повернута вверх ногами. Валентина Сергеевна открыла дверь своим ключом. Запах. Вот что ударило первым. Это был запах «Красной Москвы», корвалола и... сырого мяса. Так пахнет в мясных лавках старого образца, где на крюках висят туши. — Проходите, — она подтолкнула меня в спину. — Раздевайтесь. У меня чисто. Квартира была однокомнатной. Но это была не квартира. Это был музей. Собор одержимости. Стены были заставлены стеллажами. Но на них стояли не книги. Там были куклы. Сотни кукол. Фарфоровые советские пупсы с отбитыми носами. Барби с выжженными зажигалкой лицами. Дорогие шарнирные куклы в кружевных платьях. И у всех у них — у каждой — были выколоты глаза. Или они были зашиты. Черными нитками. Кривыми, торопливыми стежками. — Садитесь, — Валентина Сергеевна указала на диван, покрытый плюшевой скатертью с бахромой. Саша вцепился в мою ногу. Он смотрел на кукол огромными глазами. Для него это была комната из кошмара. — У вас... много игрушек, — выдавила я. — Это не игрушки, Анечка, — она провела рукой по лицу ближайшей куклы, стирая несуществующую пыль. — Это я. Это вы. Это все мы. Слепые девочки, которые не видят, что у них под носом. Она прошла на кухню. Загремела чайником. Я осталась сидеть. Нож в кармане стал невыносимо горячим. Я посмотрела на окно. Третий этаж. Если я сейчас схвачу Сашу и выброшусь вместе с ним... это будет быстро. Это лучше, чем то, что она задумала. — Не глупи, — крикнула она из

кухни, словно читая мои мысли. — Окна на ключе. И ручки я сняла. Специально для таких, как ты. Она вернулась. В руках у нее был не чайник. В руках у нее была шкатулка. Черная, резная, из какого-то тяжелого дерева. Она села в кресло напротив. Положила ногу на ногу. Платок она сняла, и теперь ее седые волосы торчали вокруг головы нимбом. Она выглядела не как бабушка, а как старая, мудрая хищная птица. — Вы думаете, я хочу его смерти, — начала она. Голос ее изменился. Исчезла ласковость, осталась только сталь и бесконечная усталость. — Вы думаете, я пришла мстить. Она открыла шкатулку. Внутри не было денег. Там лежали фотографии. Десятки фотографий. Наших фотографий. Вот мы в пятом классе. Пятый «Б». Вот мы на выпускном. Вот Катя пьяная на чьем-то дне рождения. Вот Светка на фоне Эйфелевой башни. Вот я. Я и Игорь в день свадьбы. — Я не хочу его смерти, — повторила она. — Смерть — это тишина. А я ненавижу тишину. Слышите? Она постучала пальцем по подлокотнику. Тук. Тук. Тук. Звук был таким же, как звук того мяча в подвале.

— Я хочу, чтобы он жил, — она достала из шкатулки одну фотографию. Это был он. Мужчина из Мытищ. Алексей. Обычное лицо. Но на этом фото он был моложе. Лет на пятнадцать. На нем была та самая серая спецовка. — Я нашла его, — сказала Валентина Сергеевна. — Я жила в Мытищах полгода. Я знаю его расписание. Знаю, какой туалетной бумагой пользуется его жена. Знаю, что его сынбоится темноты. Она наклонилась ко мне через стол. — Но я не тронула его. Я купила квартиру в этом подъезде. Я каждый день вижу, как он идет к машине. Я могла бы проколоть ему шины. Могла бы плеснуть кислотой. Но это не вернет мне Дашу. Это просто даст мне пять минут облегчения. А потом снова — пустота. Она захлопнула шкатулку. — Я не хочу облегчать свою боль. Я хочу, чтобы вы почувствовали мою. Она встала. Прошла мимо меня к Саше. — Иди сюда, золотце, — позвала она. Я вскочила. — Не трогайте его. — Сядь, Аня, — она даже не обернулась. — Сядь, или я прямо сейчас отправлю видео с тобой и Катей мужу. И видео с ключом — в «СберТех». Выбери, Аня. Что важнее: твоя гордость или жизнь твоего ребенка? Я упала обратно на диван. Ноги не держали. Валентина Сергеевна взяла Сашу за руку. Он не сопротивлялся. Он пошел за ней в спальню. — Что вы делаете? — прошептала я. Она не ответила. Я слышала, как в спальне скрипнула дверца шкафа. Загремели вешалки. Она вышла. Саши с ней не было. В руках у нее была одежда. Детское платье. Синее, в мелкий белый горох. Советское, винтажное. — Дайте мне адрес, — сказала я. Мой голос был хриплым. — Я сделаю всё. Приведу его. Только отдайте сына. Она покачала головой. — Ты не поняла, Аня. Ты до сих пор ничего не поняла. Она положила платье на диван между нами. — Посмотри на него, — сказала она. Я посмотрела на платье. Внутри платья, в районе груди, ткань была заштопана. Но штопка была странной. Она была сделана поверх чего-то твердого. Я потрогала. Под тканью был зашит конверт. — Это ее платье, — сказала Валентина Сергеевна. — То самое, в котором мы ее похоронили. Я распоролa подкладку. Она села. Она взяла нож, который я выронила на диван от страха за Сашу. Она взяла его за лезвие и протянула мне рукоятью. — Вы думаете, он — монстр, — сказала она. — Вы думаете, он — чудовище с клыками. Она положила нож на платье. — Он — никто. Пустое место. Серый костюм. Он просто проходил мимо. Он увидел открытые двери. Она посмотрела мне в глаза. И в этот момент я поняла весь ужас. Весь масштаб ее безумия. — Двери открыли вы, — прошептала я. Валентина Сергеевна улыбнулась. — Наконец-то, — выдохнула она. — Десять лет терапии, и ты всё-таки поняла. Она взяла нож. Но она не встала. Она начала резать подкладку платья. Ткань поддавалась с тихим треском. — Он не маньяк, Аня, — сказала она, работая ножом. — Маньяки получают удовольствие. А он... он просто собирал урожай. Мы сами приносили ему жертвы. Она достала из дыры в платье не конверт. Она достала видеокассету. Старую VHS-кассету, черную, с выцветшей наклейкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.